Несмотря на то что Закон о банкротстве[1] всегда предусматривал ответственность лиц, осуществляющих контроль не юридически, а фактически, еще несколько лет назад было практически невозможно привлечь к ответственности не только бенефициаров, документально не связанных с компанией, но даже учредителей, которые при банкротстве организации зачастую оставались в тени. Какие изменения в Законе о банкротстве и судебной практике позволили решить эту проблему?

Новые подходы к субсидиарной ответственности лиц, осуществляющих фактический контроль

Александра УЛЕЗКО,
Адвокатское бюро «Качкин и Партнеры», Санкт-Петербург, старший юрист корпоративной и арбитражной практики

Возбуждение процедуры банкротства в отношении юридического лица всегда вызывает у кредиторов вопрос о причинах несостоятельности компании. Как правило, эти причины кроются либо в сложностях экономической ситуации, отношений с контрагентами, неправильных управленческих решениях топ-менеджмента, либо в умышленных действиях бенефициаров или действиях самого руководителя.

Лица, выполняющие функции единоличного исполнительного органа юридического лица, чаще всего привлекаются к субсидиарной ответственности по обязательствам компании, поскольку именно они подписывают сделки от имени должника, утверждают бухгалтерскую отчетность, на них лежит обязанность обращаться в суд в случае возникновения признаков банкротства и в дальнейшем — передавать документы должника арбитражным управляющим для проведения соответствующих процедур.

Однако нередко компания фактически контролируется иными лицами, которые определяют действия должника и извлекают выгоду из его деятельности.

В последнее время появляется все больше дел, когда к ответственности привлекаются именно те лица, которые дают обязательные

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

для компании указания, ставшие причиной невозможности рассчитаться с кредиторами. В настоящей статье мы рассмотрим, как изменилась судебная практика в динамике за последние несколько лет, в течение которых нормы о субсидиарной ответственности менялись законодателем исходя из потребностей гражданского оборота.

Как изменилось понятие контролирующего лица?

Ранее лицами, контролирующими должника, признавались лица, имеющие либо имевшие в течение менее чем трех лет до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность каким-либо иным образом определять действия должника (ст. 2 Закона о банкротстве до внесения изменений Законом № 266-ФЗ)[1].

По общему правилу, субсидиарная ответственность наступала, если признание должника банкротом являлось следствием действий или бездействия контролирующих должника лиц (ст. 10 Закона о банкротстве).

С введением Законом № 266-ФЗ в Закон о банкротстве отдельной гл. III.2 «Ответственность контролирующих лиц» данное понятие претерпело изменения. Теперь период контроля должен составлять не более трех лет не до момента возбуждения дела о банкротстве, а до момента возникновения признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом (п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве). Такая формулировка позволяет минимизировать количество ситуаций, когда должник несколько лет фактически является несостоятельным и не обращается в суд, продолжая увеличивать кредиторскую задолженность и уменьшая срок, в течение которого вышедшие из общества участники (акционеры) и прекративший полномочия генеральный директор могут быть привлечены к субсидиарной ответственности.

Теперь период контроля должен составлять не более трех лет не до момента возбуждения дела о банкротстве, а до момента возникновения признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом (п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве).

Данную норму необходимо оценивать с учетом разъяснений высшей судебной инстанции об определении момента возникновения обязанности руководителя юридического лица подать заявление о банкротстве в суд (ст. 9 Закона о банкротстве). При рассмотрении

[1] Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Далее ст. 2 и 10 Закона о банкротстве приводятся в редакции, действовавшей до 30.07.2017 (до вступления в силу Закона № 266-ФЗ).

Александра УЛЕЗКО

одного из дел[1] Верховный суд РФ указал, что такая обязанность у соответствующего должностного лица компании появляется не тогда, когда юридическое лицо временно прекращает исполнять денежные обязательства вследствие недостаточности денежных средств (неплатежеспособность) или размер денежных обязательств должника превышает стоимость активов (недостаточность имущества), а в некий критический момент, когда должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей, если руководитель должника не имел экономически обоснованного плана восстановления финансового состояния компании[2].

Позднее в п. 9 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — Постановление № 53)[3] данное правило приводится в контексте освобождения от ответственности добросовестного и разумного руководителя, который в рамках стандартной управленческой практики, учитывая масштаб деятельности должника, не мог объективно определить упомянутый критический момент в деятельности возглавляемой им компании. При этом понятию объективного банкротства, влекущего за собой обязанность должника обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве, приданы более четкие критерии. Под объективным банкротством Верховный суд РФ предписывает понимать момент, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов. Однако некоторые вопросы в определении такого момента в деятельности должника остаются не совсем понятными. Например, должно ли такое соотношение определяться применительно к данным, отраженным в бухгалтерских балансах должника на конец отчетного периода, или объективное банкротство может считаться наступившим в любой момент деятельности юридического лица. В любом случае критерий, сформулированный в Постановлении № 53, является несколько более жестким, чем тот, что был сформирован в судебной практике до настоящего времени.

Субсидиарная ответственность по долгам несостоятельной компании теперь наступает не за доведение компании до состояния банкротства, а если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия лица, контролирующего должника.

[1] См.: Определение Верховного суда РФ от 20.07.2017 № 309-ЭС17-1801 по делу № А50-5458/2015; п. 2 Письма ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» (далее — Письмо ФНС России от 16.08.2017).

[2] См. также Письмо ФНС России от 16.08.2017.

[3] О новациях, введенных Постановлением № 53, см. также в статье Н. Покрышкина и С. Лысова «Ключевые прецеденты в сфере банкротства за IV квартал 2017 года» в текущем номере журнала.

Новые подходы к субсидиарной ответственности лиц, осуществляющих фактический контроль

Самые громкие дела о привлечении к субсидиарной ответственности

Судебная практика о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, фактически контролирующих должника, впервые появилась в 2012 г., когда Постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.02.2012 по делу № А60-1260/2009 к субсидиарной ответственности в размере 6,3 млрд руб. был привлечен Максимов Н.В.[1]

Суды апелляционной и кассационной инстанций пришли к выводу, что Максимов Н.В. осуществлял фактический контроль за деятельностью холдинга «Макси-Групп», в структуру которого входило и несостоятельное общество «УралСнабКомплект», поскольку все физические лица, являвшиеся в разное время участниками общества «УралСнабКомплект», голосование которых могло определять принимаемые обществом решения, занимали руководящие должности в организациях, так или иначе имевших отношение к Максимову Н.В. Ставшие впоследствии участниками должника юридические лица также контролировались Максимовым Н.В.

Суды согласились с доводами конкурсного управляющего «УралСнабКомплекта» о том, что сделки, заключенные должником в течение 2004–2009 гг. и приведшие к его банкротству, не имели для общества экономического смысла и совершались исключительно в интересах Максимова Н.В. для получения им финансовой выгоды. В Определении ВАС РФ[2], которым отказано в передаче дела в Президиум ВАС РФ для пересмотра в порядке надзора, указано, что *«действующее законодательство не исключает возможность привлечения к субсидиарной ответственности фактически контролирующего должника лица, проводящего свою волю через иных подконтрольных фактическому руководителю физических и юридических лиц, которые в действительности не выступали в качестве самостоятельных субъектов гражданских отношений»*.

Следующим громким делом стало привлечение к субсидиарной ответственности на рекордную сумму 75 млрд руб. лиц, контролировавших ЗАО «Международный Промышленный Банк». Определением Арбитражного суда г. Москвы от 30.04.2015 по делу № А40-119763/2010 на лиц, последовательно выполнявших полномочия председателя исполнительной дирекции банка (единоличного исполнительного органа банка), а также на Пугачева С.В., являвшегося

[1] Постановлением ФАС Уральского округа от 12.05.2012 № Ф09-727/10 по делу № А60-1260/2009 судебный акт оставлен без изменения.

[2] См. Определение ВАС РФ от 29.04.2013 № ВАС-11134/12 по делу № А60-1260/2009.

Александра УЛЕЗКО

бенефициаром банка, была возложена субсидиарная ответственность в размере непогашенных требований кредиторов[1].

В данном деле наиболее интересно, как был установлен фактический контроль Пугачева С.В. за деятельностью банка. Суды приняли доводы конкурсного управляющего, что банкротство Межпромбанка наступило в результате действий Пугачева С.В. по формированию необеспеченной ссудной задолженности технических заемщиков в преддверии банкротства банка. При этом Пугачев С.В. обладал правом контроля за принятием решений в банке через многоуровневую структуру владения банком с использованием офшорных компаний.

Существовала фактическая система личного согласования с Пугачевым С.В. основных решений банка со стороны руководителей и органов управления, что подтверждалось свидетельскими показаниями в рамках уголовного дела.

Норма подп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве, действующая с 30 июля 2017 г., позволяет судам признать, пока не доказано иное, контролирующими лицами тех, кто извлекал выгоду из незаконного или недобросовестного поведения единоличного исполнительного органа, членов коллегиальных органов юридического лица.

На сегодняшний день в судебной практике больше нет дел, когда лица, не являясь учредителями и не входя в состав органов управления должника, были бы привлечены к ответственности как лица, осуществлявшие фактический контроль. Однако подп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве, действующий с 30 июля 2017 г., создает для этого благодатную почву. Указанная норма позволяет судам признать, пока не доказано иное, контролирующими лицами тех, кто извлекал выгоду из незаконного или недобросовестного поведения единоличного исполнительного органа, членов коллегиальных органов юридического лица. Эта формулировка является, на наш взгляд, более удачной, чем прежняя редакция закона, где речь шла о контролирующих лицах только как о тех, кто каким-либо образом имел возможность определять действия должника[2].

В п. 7 Постановления № 53 указано, что контролирующим может быть признано лицо, извлекшее существенную (относительно масштабов деятельности должника) выгоду в виде увеличения (сбережения) активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности. В Письме ФНС России от 16.08.2017 конкретизируется, какими способами такая выгода может достигаться.

[1] Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.06.2015 по делу № А40-119763/2010 и Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 01.10.2015 № Ф05-10535/2011 по делу № А40-119763/2010 указанное определение оставлено без изменения. Определением Верховного суда РФ от 29.01.2016 № 305-ЭС14-3834 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного суда РФ для пересмотра данного постановления в порядке кассационного производства.

[2] См. ст. 2 Закона о банкротстве.

Уполномоченный орган указывает, что о контроле над юридическим лицом может свидетельствовать, например, ситуация, когда вклад в уставный капитал не вносится как вклад, а оформляется в виде гражданско-правовых договоров (займа, аренды основных средств и т.п.), соответственно выплаты по таким договорам при определенных условиях можно считать получением дивидендов от деятельности. Несмотря на то что указанное письмо ФНС России не является нормативным актом, а представляет собой мнение налогового органа по вопросам правоприменения, приведенные в нем примеры, безусловно, могут использоваться судами при определении фактического контроля.

Признание контролирующим лица, извлекшего выгоду из недействительных сделок должника

Согласно подп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, пока не доказано иное, предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, если в пользу такого лица или с его одобрения совершены сделки (в т.ч. недействительные по Закону о банкротстве), в результате которых причинен существенный вред имущественным правам кредиторов. Такое же правило действовало с 1 октября 2015 г. в соответствии с абз. 3 п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ.

Указанная норма не означает, что любые лица, с которыми должником совершены подозрительные сделки (ст. 61.2 Закона о банкротстве) или сделки с предпочтением (ст. 61.3 Закона о банкротстве), признаются контролирующими.

Во-первых, для признания таких сделок недействительными лишь в ряде случаев необходимо доказать, что лицо являлось заинтересованным по отношению к должнику.

Например, при оспаривании сделки как совершенной при неравноценном встречном исполнении (п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве) требуется доказать только факт того, что цена этой сделки и (или) иные условия отличаются в существенно худшую для должника сторону от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки. А в случае признания сделок должника недействительными как совершенных с целью причинения ущерба имущественным правам кредиторов (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве) или совершенных с предпочтением в пределах шестимесячного срока до возбуждения дела о банкротстве (п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве) заинтересованность стороны

Александра УЛЕЗКО

сделки создает лишь презумпцию осведомленности о возможных последствиях заключения сделки для других кредиторов и должника, но не является обязательным признаком недействительности сделки.

Сама по себе заинтересованность, даже будучи доказанной, не создает презумпцию контроля над деятельностью должника[1]. Понятие заинтересованного лица шире, чем понятие контролирующего лица. Последнее не просто оказывает влияние на деятельность должника, но фактически определяет его действия. В п. 3 Постановления № 53 разъясняется, что, по общему правилу, необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве). Таким образом, для привлечения к ответственности стороны сделки с должником согласно подп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве необходимо не только доказывание факта недействительности сделки, но и фактическое осуществление контроля стороны сделки над деятельностью должника.

Сама по себе заинтересованность, даже будучи доказанной, не создает презумпцию контроля над деятельностью должника.

Во-вторых, наличие признаков сделки, которая может быть оспорена по законодательству о банкротстве, в отношении какого-либо лица может быть одним из обстоятельств, свидетельствующих о контроле этого лица над деятельностью должника. В каждом случае судом должен рассматриваться вопрос о том, по каким причинам должник совершает сделки с данным конкретным лицом на нерыночных условиях, недоступных обычным участникам гражданского оборота. При установлении признаков аффилированности сторон сделки, под которой понимаются отношения связанности (ст. 53.2 ГК РФ), в процессе рассмотрения вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности суд должен установить, осуществляет ли такое аффилированное лицо именно контроль над деятельностью должника и была ли выгода от деятельности должника получена именно вследствие такого контроля. При этом важным нововведением Закона № 266-ФЗ является указание на то, что контролирующее лицо привлекается к субсидиарной ответственности, даже если заявление о признании сделки недействительной не подавалось или

[1] Презумпции осуществления контроля лица над деятельностью должника указаны в п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве: 1) осуществление функций руководителя должника или управляющей организации должника, члена исполнительного органа должника, ликвидатора должника, члена ликвидационной комиссии; 2) право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться 50 и более процентами голосующих акций/долей/голосов компании; 3) извлечение выгоды из незаконного или недобросовестного поведения исполнительных органов общества.

в его удовлетворении было отказано по причине пропуска срока исковой давности.

На сегодняшний день к субсидиарной ответственности за причинение существенного ущерба в результате совершения сделок, недействительных по законодательству о банкротстве, привлекаются в основном единоличные исполнительные органы, которые их заключают, и при этом такие лица одновременно могут являться учредителями[1]. Само по себе положение подп. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве не создает дополнительных рисков признания контролирующим лицом стороны по сделке, заключенной на нерыночных условиях с компанией, впоследствии признанной банкротом, даже если такое лицо является аффилированным по отношению к должнику. Тем не менее, совершение такой сделки может являться одним из доказательств осуществления лицом фактического контроля. В п. 23 Постановления № 53 указано, что на заявителе лежит обязанность доказывания как значимости совершенной контролирующим лицом сделки, так и ее существенной убыточности, а сами по себе факты совершения подозрительной сделки либо оказания предпочтения одному из кредиторов указанную совокупность обстоятельств не подтверждают.

Важным нововведением Закона № 266-ФЗ является указание на то, что контролирующее лицо привлекается к субсидиарной ответственности, даже если заявление о признании сделки недействительной не подавалось или в его удовлетворении было отказано по причине пропуска срока исковой давности.

Привлечение к субсидиарной ответственности учредителей должника

Как уже было сказано, учредители компании привлекаются к ответственности достаточно редко, поскольку доказать, что именно их действия привели к банкротству компании (или к невозможности полного погашения требований кредиторов, если говорить о текущей редакции Закона о банкротстве), довольно сложно.

Интересная подборка судебной практики приведена в п. 1.8 Письма ФНС России от 29.06.2017 № СА-4-18/12520@ «О направлении обзора судебных актов». В частности, речь идет о том, что собственник имущества унитарного предприятия может быть привлечен к субсидиарной ответственности, если будет доказано, что в результате изъятия им имущества предприятия последнее лишилось возможности осуществлять свою деятельность и отвечать по своим обязательствам. В приведенном примере администрацией муниципального образования, являющегося собственником имущества должника,

[1] См., например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.07.2017 № Ф05-9538/2012 по делу № А40-80329/11-24-418, Постановление ФАС Уральского округа от 02.06.2014 № Ф09-2321/14 по делу № А60-16899/2010 и др., Определение Верховного суда РФ от 25.11.2014 № 305-ЭС14-4131 по делу № А40-15836/2010.

Александра УЛЕЗКО

изъято находившееся у должника на праве хозяйственного ведения и необходимое для осуществления уставной деятельности имущество при осведомленности о большой кредиторской задолженности должника и об отсутствии иного имущества для продолжения деятельности и расчетов с кредиторами.

В таких случаях важно, что стоимость изъятого имущества может быть несущественной, однако в результате действий учредителя юридическое лицо фактически останавливает свою деятельность. При этом с точки зрения привлечения к субсидиарной ответственности не должно иметь значения, мог ли должник, продолжая деятельность, получить доход в размере кредиторской задолженности и погасить требования кредиторов.

Во-первых, очевидно, что в случае убыточной деятельности и невозможности финансирования дальнейшего существования юридического лица учредители не только могут, но должны принять решение о ликвидации (либо о финансировании деятельности юридического лица) и, не изымая имущество, осуществлять ликвидацию в порядке законодательства о банкротстве. Во-вторых, факт получения дохода в будущем носит вероятностный характер и не может быть точно доказан ни должником, ни заявителем, обратившимся в суд с требованием о привлечении к ответственности. Но как и в случае взыскания убытков, это не может быть единственным основанием отказа в удовлетворении требований заявителя судом[1]. В п. 23 Постановления № 53 указано, что существенно убыточной для должника сделкой, за совершение которой может наступить субсидиарная ответственность контролирующих лиц, может быть признана сделка, заключенная по рыночной цене, в результате совершения которой должник утратил возможность продолжать осуществлять одно или несколько направлений хозяйственной деятельности, приносивших ему ранее весомый доход. Являлся ли доход от деятельности юридического лица весомым, если компания по сути являлась убыточной и ее деятельность полностью была остановлена, в результате чего окончательно утрачена возможность погашения требований кредиторов, — вопрос, на наш взгляд, неоднозначный.

Применительно к данному примеру можно привести также иные разъяснения, изложенные в п. 23 Постановления № 53, а именно что презумпция доведения до банкротства в результате совершения

[1] См. абз. 2 п. 12 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

сделки (ряда сделок) может быть применена к контролирующему лицу, если данной сделкой (сделками) причинен существенный вред кредиторам. К числу таких сделок относятся, в частности, сделки должника, значимые для него (применительно к масштабам его деятельности) и одновременно являющиеся существенно убыточными.

В проекте Постановления Пленума Верховного суда РФ об ответственности контролирующих лиц содержалась немного иная формулировка, называвшая доказывание значимости и существенной убыточности сделки обязательным основанием для привлечения к ответственности контролирующих лиц. В принятой редакции Постановления № 53 таким основанием считается причинение сделкой существенного вреда кредиторам, а значимость и убыточность сделки — лишь одни из критериев, свидетельствующих о причинении вреда кредиторам, что является более широкой и удачной формулировкой.

На наш взгляд, важно, какую именно деятельность осуществляет должник и могла ли данная деятельность продолжаться после совершения недействительной сделки, пусть даже сама по себе сделка заключена на небольшую сумму. Например, для компании, оказывающей правовые услуги, изъятие компьютеров на незначительные суммы может привести к остановке ее деятельности и, как следствие, к несостоятельности и невозможности полного удовлетворения требований кредиторов. Соответственно налицо причинение сделкой вреда кредиторам, хотя такая сделка сама по себе не может быть существенно убыточной. Кроме того, такие действия учредителя или собственника имущества компании согласно новым нормам об ответственности контролирующих лиц должны оцениваться с учетом п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве. В соответствии с данной нормой субсидиарная ответственность наступает и в случае, если должник стал отвечать признакам неплатежеспособности не вследствие действий и (или) бездействия контролирующего лица, однако после этого оно совершило действия и (или) бездействие, существенно ухудшившие финансовое положение должника.

Важно, какую именно деятельность осуществляет должник и могла ли данная деятельность продолжаться после совершения недействительной сделки, пусть даже сама по себе сделка заключена на небольшую сумму.

Другим действием, которое может стать основанием привлечения к ответственности учредителя компании, является утверждение отчетности, содержащей искаженные данные[1]. Однако привлечение учредителя к ответственности в связи с одобрением недостоверной

[1] См., например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.07.2016 № Ф05-10186/2016 по делу № А40-4982/2015.

Александра УЛЕЗКО

отчетности — скорее единичные случаи. При этом интересно, что учредитель, как правило, не несет ответственности, если он бездействует и не участвует в годовых собраниях общества.

В соответствии с п. 34 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» под обязанностью участника корпорации участвовать в принятии корпоративных решений, без которых корпорация не может продолжать свою деятельность (п. 4 ст. 65.2 ГК РФ), понимаются, в частности, решения о назначении единоличного исполнительного органа или членов совета директоров, а также о внесении изменений в устав, если они требуются в соответствии с законом и без их внесения корпорация не сможет продолжать свою деятельность. С одной стороны, решение об утверждении отчетности не является таковым. С другой стороны, в соответствии с подп. 6 п. 2 ст. 33 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» к компетенции общего собрания участников общества относится утверждение годовых отчетов и годовых бухгалтерских балансов. Тем не менее, одного лишь факта неутверждения участниками корпорации бухгалтерской отчетности недостаточно для привлечения их к субсидиарной ответственности.

Ранее ответственность за неподачу в суд заявления о банкротстве должника лежала только на руководителе. Теперь, если руководитель сообщил о наличии признаков банкротства учредителям, но они не приняли решение об обращении в суд, к ответственности могут быть привлечены и учредители.

В соответствии с изменениями, внесенными в Закон о банкротстве Федеральным законом № 266-ФЗ, у учредителей и собственника имущества должника появилась обязанность решать вопрос об обращении в суд с заявлением о банкротстве.

Статья 9 Закона о банкротстве дополнена обязанностью лиц, имеющих право инициировать созыв внеочередного общего собрания акционеров (участников), либо иных контролирующих должника лиц потребовать проведения общего собрания для принятия решения об обращении в арбитражный суд с заявлением о признании компании банкротом, если руководитель должника не исполнил обязанность по обращению в суд с заявлением должника и обстоятельства, влекущие за собой эту обязанность, не устранены в течение 10 календарных дней.

Неисполнение данной обязанности предусматривает субсидиарную ответственность контролирующих лиц, которые обладали полномочиями по созыву собрания коллегиального органа должника, к компетенции которого отнесено принятие корпоративного решения о ликвидации, или полномочиями по самостоятельному принятию соответствующего решения. Ранее ответственность за неподачу в суд заявления о банкротстве должника лежала только на руково-

дителе. Теперь, например, если руководитель сообщил о наличии признаков банкротства учредителям, но они не приняли решение об обращении в суд, к ответственности могут быть привлечены и учредители. Совокупность условий, необходимых для привлечения к ответственности лиц, не являющихся руководителем должника, ликвидатором, членом ликвидационной комиссии, за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве приведена в п. 13 Постановления № 53.

Кроме того, с 30 июля 2017 г. в случае возникновения объективных признаков банкротства (ст. 9 Закона о банкротстве) или обстоятельств, влекущих за собой право должника обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве (ст. 8 Закона о банкротстве)[1], руководитель должника обязан:

— включить сведения о наличии таких обстоятельств в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц в течение 10 рабочих дней с даты, когда руководителю стало или должно было стать известно об их возникновении, а также

— в разумный срок предпринять все зависящие от него разумные необходимые меры, направленные на предупреждение банкротства должника.

Соответственно выполнение данной обязанности также должно обеспечить осведомленность учредителей и иных контролирующих лиц о финансовом состоянии должника с тем, чтобы вовремя принять решение об обращении в суд и не наращивать размер кредиторской задолженности.

В целом в законодательстве об ответственности контролирующих лиц и в применении судами концепции снятия так называемой корпоративной вуали в случае банкротства компании в последнее время наблюдается существенный сдвиг в сторону выявления случаев злоупотреблений со стороны реальных бенефициаров. Ответ на вопрос, хорошо это или плохо, зависит от позиции конкретного лица по отношению к несостоятельной компании. Очевидно, что как собственникам бизнеса, так и руководителям необходимо тщательно оценивать свои действия с точки зрения выгоды принимаемых решений для юридического лица. С другой стороны, у кредиторов появились новые действенные механизмы взыскания долга непосредственно с контролирующих лиц, что нельзя не приветствовать.

[1] Такое право возникает при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что должник не в состоянии будет исполнить денежные обязательства, требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок.